

Алексей Писемский

Избранные письма

Писемский Алексей

Избранные письма

Алексей Феофилактович Писемский
Избранные письма

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

А.Н.ОСТРОВСКОМУ

[7 апреля 1850 г., г.Кострома].

Достопочтенный наш автор "Банкрута" {566}!

Если Вы хоть немного помните вашего старого знакомца Писемского, которому доставили столько удовольствия чтением еще в рукописи вашей комедии, то можете себе представить, с каким истинным наслаждением прочитал я ваше произведение, вполне законченное. Впечатление, произведенное вашим "Банкрутом" на меня, столь сильно, что я тотчас же решил писать к Вам и высказать нелицеприятно все то, что чувствовал и думал при чтении вашей комедии: основная идея ее развита вполне - необразованность, а вследствие ее совершенное отсутствие всех нравственных правил и самый грубый эгоизм резко обнаруживается в каждом лице и все события пьесы обуславливаются тем же бесчестным эгоизмом, т.е. замыслом и исполнением ложного

банкрутства. Ваш глубокой юмор, столь знакомый мне, проглядывает в каждом монологе. Драматическая сцена посаженного в яму банкрута в доме его детей, которые грубо отказываются платить за него, превосходна по идее и по выполнению. Искусный актер в этом месте может заставить плакать и смеяться. Самое окончание, где подьячий, обманутый тем же Подхалюзиным, инстинктивно сознавая свое бессилие перед официально утвердившимся тем же подлецом Подхалюзиным, старается хоть перед театральной публикой оконфузить его, продумано весьма удачно. Вот Вам то, что я чувствовал и мыслил при первом чтении вашей пьесы; но потом я стал вглядываться внимательнее в каждую сцену и в каждый характер: Липочка в 1-м своем монологе слишком верно и резко знакомит с самой собою; сцена ее с матерью ведена весьма искусно, бестолково, как и должны быть сцены подобных полудур; одно только: зачем Вы мать заставили бегать за танцующей дочкою? Мне кажется, это не совсем верно: старуха могла удивиться, жалеть на дочь, бранить ее, но не бегая. Вы, конечно,

имели в виду театральную сцену и зрящий на нее партер. Бестолково-многоречивая и, вероятно, хлебнувшая достаточно пива Фоминишна очень верна. Про Устинью Наумовну и говорить нечего, - я очень хорошо помню этот глубоко признанный Вами тип из ваших рассказов. Ее поговорки: "серебряный", "жемчужный", "брильянтовой" как нельзя лучше обрисовывают эту подлянку. Рисположенский - и этот тип я помню в лице безместных титулованных советников, стоящих обыкновенно у Иверских ворот, и столь любезных сердцу купеческому адвокатов, великолепно описывающих в каждом прошении все доблестные качества своего клиента и невероятное количество детей. В том месте, где Рисположенский отказывается пить вино, а просит заменить его водкою, он обрисовывает всю его многопутную, грязную жизнь, приучившую его наперекор чувству вкуса исключительно к одной только водке. Главное лицо пьесы Большов, а за ним Подхалюзин, оба они похожи друг на друга. Один подлец старый, а другой подлец молодой. Старость одурила Большова, затемнила его плутовские очи, и он дался в

обман одному, думая обмануть и удачно обманывая прежде 100 людей. Сколько припомню, у вас был монолог Большова, в котором высказывал он свой план, но в печати его нет; а жаль: мне кажется, он еще яснее мог бы обозначить личность банкрута, высказав его задушевные мысли, и, кроме того, уяснил бы самые события пьесы. Но как бы то ни было, кладя на сердце руку, говорю я: Ваш "Банкрут" - купеческое "Горе от ума", или, точнее сказать: купеческие "Мертвые души".

Пишу к Вам это письмо, не помня хорошенько адреса вашего, на русское "авось дойдет"; а вместе с тем присоединяю к Вам мою покорнейшую просьбу: напишите мне, бедному служебному труженику, хоть несколько строк, скажите мне, так ли я понял ваше произведение, довольны ли Вы сами им вполне. Письмо ваше доставит слишком много удовольствия человеку, делившемуся прежде с Вами своими убеждениями, а ныне обреченному волею судеб на убийственную жизнь провинциального чиновника; человеку, который по несчастию до сих пор не может убить в себе бесполезную в настоящем положении

энергию духа. О собственных моих творениях я забыл, хоть они и лежат вполне оконченные. Адрес мой: Алексею Феофилактовичу Писемскому в г.Кострому, чиновнику особых поручений при военном губернаторе. Каждую почту буду ожидать вашего ответа, в каковой надежде и пребываю.

Любящий и уважающий Вас

А.Писемский.

1850 г. Апреля 7-го.

Если Вы будете писать ко мне, то припишите Ваш адрес пополнее и поточнее.

Н.А.НЕКРАСОВУ

[15 апреля 1854 г., Раменье].

Почтеннейший Николай Алексеевич!

Посылаю к Вам, по письму вашему, "Ма-тушкина сынка", переkreщенного мною в "Фанфарона". К нему прилагаю на всякий случай два окончания: одно, пришитое к тетради, где герою дается место чиновника{568} особых поручений, и я желал бы, чтобы оно было напечатано, но если, паче чаяния, встретятся затруднения со стороны цензора, так как тут касается несколько службы, то делать нечего, тисните другое, что для меня почти

все равно. Как вам понравится "Фанфарон", уведомьте меня. Я его написал и никому не читал еще. Рост его менее "Виновата ли она?". Полагаю в нем не более четырех листов. В моей деревенской жизни я либо напишу очень много, либо с ума сойду. Вообразите, до сих пор никаких признаков весны, даже еще вороны не вылиняли. Примечание к "Фанфарону" на первой странице не покажется ли вам очень резким? Впрочем, я этого не нахожу с своей стороны и желал, чтобы оно напечаталось. Насчет денег я просил бы, если это не стеснит вас очень, дать мне за маленькие рассказы: "Лешего" и "Фанфарона" по 70 руб. сер. за лист, которых и выйдет за 7 листов 490 рублей, а за исключением полученных 100 рублей серебром - 390 рублей, да есть небольшой, по моему счету, недостаток по "Богатому жениху", а именно: в нем 17-ть листов, за которые по 60-ти следует получить 1020 рублей серебром, а получено мною 900, итого в остатке сто с лишком рублей, из числа которых забрано мною книг, но сколько, не помню, - справиться надобно в конторе, но, кажется, что мне приходится около 60-ти рублей серебром,

итого 450 руб., которые бы я, почтеннейший Николай Алексеевич, и просил покорнейше выслать мне в следующем месяце, ибо я имею крайнюю и распрекрайнюю нужду в деньгах и единственно поэтому беспокою вас и даже печатаю, чего мне до осени без нужды бы в деньгах никак не хотелось делать. Я сожалею и бешусь за уменьшение подписчиков на "Современник". Он так нынче идет хорошо, - один рассказ Тургенева "Муму" лучше всего, что было напечатано в нынешнем году во всех прочих журналах. Статья Анненкова{569} по поводу простонародных рассказов очень умная, но только неэстетическая. Нельзя ли вам выхлопотать право для вашего журнала на политический отдел, который у "Москвитянина" и есть, но которым он, конечно, не умеет пользоваться даже и в настоящее время. До свидания, почтеннейший Николай Алексеевич; душевно желаю поправления вашего здоровья, чтобы в следующий приезд мой увидеть вас таким же хоть толстяком, как я сам. Об деньгах еще раз повторяю мою просьбу. Ивану Ивановичу и супруге его прошу от меня поклониться, а затем изви-

няюсь, что не сам пишу, потому что совсем
разучился.

Остаюсь

покорным слугою А. Писемский.

1854 г. Апреля 15-го.

А.Н.МАЙКОВУ

[8 мая 1954 г., Раменье].

Милейший Аполлон Николаич!

Принимаясь за это письмо, я хочу снять с
себя справедливый упрек твой за короткие
послания и написать тебе письмо длинней-
шее, сперва о том, что к нему прилагается, -
это мой "Драматический очерк"{570}, кото-
рый я написал по случаю настоящих событий
и который посылаю на твое полное распоря-
жение. Мне бы хотелось его, во-первых, по-
ставить на сцену, а во-вторых, напечатать в
"Отечественных Записках", о чем и заяви Кра-
евскому. Поставка на сцену, я желал бы, чтоб
шла прежде печати. Бога ради так и распоря-
дись: твой знакомец Федоров сейчас может
обделать это дело. Противоцензурного, ка-
жется, ничего уж нет. Актерам я желал бы
раздать таким образом: полковник - Самой-
лов, жена его - Сосницкая, солдат - Григорьев,

Александр - Максимов, Макар Макарыч Мартынов, Власий Матвеич - Каратыгин; так по крайней мере я предполагаю, хотя и знаю петербургских актеров очень мало. Насчет платы тоже желал бы получить хоть малую толику от дирекции. Островский за пятиактную комедию получил{570} 500 сер., а мне бы хоть сотни полторы, а у Краевского за право напечатания попроси 200, впрочем, назначение цены тут и там предоставляю на твое распоряжение*, - как найдешь удобным, так и распорядись. Помимо этих житейских расчетов, помимо современного интереса моей пьески, меня беспокоит и художественная ее сторона: напиши мне, как ты найдешь ее и как другие на нее взглянут. Я пробовал читать ее здесь, - плачут; и, кажется, если ветерана-старика актер так выполнит, как я его задумал, так заставит плакать и в театре. В молодом новобранце пусть актер выразит одну черту - это молодость и наивность. Стихи Пушкина пусть читает не горячась и не декламаторски, а только с чувством и толком. На солдатскую песню "Молодка молодая" я, может быть, буду иметь возможность прислать музыку. Само-

му мне ехать ставить очень бы хотелось, и знаю, что очень бы нужно, но по неимению средств до ноября или декабря не могу приехать в Петербург. Бога ради похлопочи за меня; ты мне сделаешь истинное благодеяние. Твои опасения насчет того показали мне, что ты меня действительно полюбил, за что тебе и спасибо. Я, впрочем, не то чтобы особенно был падок к сему, да и от моих некрасивых, по внешней стороне, обстоятельств не только не упал духом, а, напротив, воскрылил, освободившись от подлых служебных влияний вследствие преподлейшего костромского начальства. Я теперь блаженствую, упиваясь весной, которая стоит у нас чудная, и только когда подумаешь о том, что дается на театре войны, так невольно сердце замрет; вряд ли Россия не в более трудном подвиге, чем была она в двенадцатом году! Тогда двенадцать язычей ведены были на Россию за шивороток капризною волею одного человека, и теперь покуда трое, да действуют под влиянием самой искренней ненависти. Что мы этим бесстыдникам сделали, не понимаю. Более умеренной внешней политики, какою всегда ру-

ководствовался государь, я вообразить себе не могу. Корень, кажется, лежит в европейских крамольниках 1848 года, которые никак не хотят простить России ни спокойствия ее в этот период взрыва мелких страстишек, ни того страха, который они ощущали к северному великану, затевая свое гнусное и разбойничье дело. Впрочем, они и думать не могут иначе, но что же венценосцы-то слушаются их? Они дают им таким образом оттачивать орудие на самих себя. Невольно скажешь: прости им, господи, не ведут бо, что творят.

* Впрочем, менее 80 руб. сер. за лист я не возьму с Краевского - эту цену мне дали за "Раздел", а за эту надобно 200 получить.

Оду твою я получил{571} - благодарю! Но она так варварски переписана, что я многого не разобрал; но, впрочем, вот тебе общее впечатление твоих патриотических стихов: они без сравнения выше всех написанных в настоящее время на эту тему, они умны, искренни и не фальшивы, и я только могу одно сказать, что несколько длинноваты и что ты еще не овладел тем из стали кованным стихом,

какой видим у Пушкина, или, прямее сказать: ты вообще, кажется, ленив в внешней обработке. Мысль у тебя перетягивает форму. Не гонись за подробностями; мысль, которая не выражается у тебя, лучше брось ее. И вместе с тем скажу тебе еще: подражай больше Пушкину, а на Державина смотри как на поэта, у которого только один инстинкт. Но и у Пушкина не заимствуй целиком фраз ("дух отрицанья, дух сомненья") или: "Встань же днесь и виждь, как снова". Впрочем, милейший, все это тонкости и усиленные мои требования вследствие искренней симпатии, которую я питаю к каждому твоему стихотворению, когда еще не знал тебя лично, и в каком бы оно роде и духе ни было написано. Убедись, не ради самообольщения, а ради укрепления, что пальма первенства как поэта в настоящее время за тобой. Как бы ни кричали рецензенты в пользу Фета и Тютчева{571}, как бы Щербина ни уверял, что он воспевает только красоту-красоту{571}, у всех у них против тебя кишки тонки. Фет действительно поэт, но очень уж с ограниченным кружком, и мне всегда смешно, когда рецензенты объявляют

О тонком наслаждении, которое они испытывают при чтении его стихотворений. Не похожи ли они в этом случае на котов, у которых чешут за ухом? Щербина велик, когда проходится насчет клубнички в греческом духе, но и только. Кстати, здесь о критикуслагающей и фельетонной братии, которая тебя возмущает своею тупой неподатливостью к современному интересу, иначе и быть не может: эти господа весь век живут одним только чувством зависти. Они завидовали литераторам, имена которых с успехом оглашались, а теперь завидуют офицерам, кровию себе добывающим чины и почести, тогда как они, бедные поденщики, только шлятся около храма славы и нюхают.

Жена уехала в Москву за сестрой Машей{572}, и я теперь один с матерями и детками, и пишется много, не знаю, хорошо ли только выйдет. К пятой книжке "Современника" я выслал очерк "Фанфарон", а они мне должны выслать денег, и если не сделают этого, так подрежут меня решительно. Напомни им к слову и уведошь меня, что они скажут. С большим нетерпением жду я от тебя письма

об моей отставке, да и об пьесе не замедли уведомить меня. Вместе с этим я тоже пишу к Краевскому и назначаю цену 200 рублей серебром; пускай не поскупится на этот раз, после заслужу - деньги ужасно нужны. "Весенний бред" {572} твой только что сейчас прочитал, и вот какого рода мысли родил он во мне: в самом ли деле в науках, по их сущности, таятся и мертвенность их? Не ученые ли виноваты в этом? Не знаю, учился ли ты одной науке, которой учился некогда я, а именно так называемой физической географии, созданной Гумбольтом? Она с первой до последней страницы кипит жизнью. Стало быть, все зависит от гения ученого. Таковых есть очень много исторических очерков и есть также очерки исторические, напр., Погодина, от которых мертвечиной так и пахнет. Не то ли же точно мы видим и в искусствах? По случаю настоящих событий ты пишешь стихи, и пишет их Шевырев, который каждым своим стихотворением отражает чувство патриотизма, но дело только в том, что в ходу бездарных ученых гораздо больше, чем бездарных писателей, и понятно, почему: на Парна-

се можно удержаться одною только талантливостью, а в науках и на памяти многие выезжают до смерти и даже после смерти. По мнению некоторых, подобные бездарные специалисты полезны своими чернорабочими трудами, а я нахожу, что для многих наук по настоящему их состоянию они вредны. Особенно это чувствуется в науках естественных, которые с каждым годом дробятся на частности во вред общему. В письме твоём ты между прочим пишешь, что критики не нужно, у нас есть публика. Увы, мой милой! Ты в этом случае ошибаешься жестоко: читающей с верным чутьем публики у нас нет, а если и есть публика, так только зрительная, театральная, и та потому только существует более справедливою в своих суждениях, что ей растолковывает писателя игрой своей актер. Могу тебя уверить, что Гоголь познакомил с самим собою публику своим "Ревизором", а не "Мертвыми душами". Об Островском стали говорить{573} после представления: "Не в свои сани не садись". Вот какова публика в общей ее массе, и потому критика необходима, и она должна бы идти вместе за писателями с тем,

чтобы, указывая на их недостатки для поучения их, указывала бы также публике и на достоинства их. Вот почему редакторам следовало бы критику доверять людям, достойным этого важного в настоящее время назначения, тогда как из всех их я знаю только одного Эдельсона при "Москвитянине", а прочих всех бы забрил в коллекторы; например, статья Анненкова в "Современнике" "По поводу романов и рассказов из простонародной жизни" очень остроумная, если хочешь, но разве она критическая? Вместо того чтобы вдуматься в то, что разбирает, он приступил с наперед заданной себе мыслию, что простонародный быт не может быть возведен в перл создания, по выражению Гоголя, да и давай гнуть под это все. На его разбор моего "Питерщика" я бы мог его зарезать, потому что он совершенно не понял того, что писал я, но так как я дал себе слово не вступать печатно ни в какие критические словопрения, то и молчу. По поводу "Рыбаков" Григоровича и потехинских романов{573} то же бы самое можно сказать, но, впрочем, бог с ним! Пускай попользуются своим успехом, журнальным, конечно, только.

Однако прощай. Ты, конечно, не сердишься, что я пишу не своей рукой, потому что приятнее читать все возможные на свете руки, чем мои каракули. Супруге твоей от меня поклонись низенько и передай ей мой восторг, что она не может сойтись с барынями; такова и должна быть жена автора "Барышни"{573}. Прощай, мой милейший... Пиши бога ради, и на остатках только не стерплю и скажу, что мои ребятишки в деревне лихо растут - атлеты, братец, будут; старшего учу теперь: о чем шумите вы, народные витии?

Твой Писемский.

P.S. Вчитайся в моего ветерана - этот тип мне очень близок к сердцу это мой покойной отец, я вложил ему в уста все его мысли, все поговорки, все песни и стихи, которые любил покойник, да попроси Федорова, чтобы в случае представления актеры оделись чисто и красиво.

Е.П.ПИСЕМСКОЙ

[25 марта 1856 г., Астрахань].

Бесценный друг мой Кита!

Вчерашнего дня{574}, в одиннадцать часов вечера, возвратился я из первого своего воя-

жа морского, получил твое письмо, обрадовался, проспал потом часов 12-ть, встал и начинаю писать к тебе. Ездил я с адмиралом{574} на так называемую Бирючью Косу, маленькой островок при втоке Волги в Каспийское море. Во-первых, здесь, еще холод страшный, так что никто не запомнит. Чтобы сесть на пароход, мы ехали на катере, пробиваясь и расталкивая лед, и когда сели, то у парохода не достало силы, чтобы выйти из льду, употребили завоз. Наконец тронулись; сначала все шло очень хорошо, я стал на палубе, хоть и был холодный ветер, хоть решительно на берегах и не было ничего привлекательного: либо пустырь, либо камыш, изредка попадется в глаза рыбная ватага (вроде нашей деревни) да калмыцкая кибитка - словом, на всем этом пространстве меня более всего заинтересовали бакланы, черная птица, вроде нашей утки, которые по рассказам находятся в услужении у пеликанов; мы видели с тобой их в зверинце. Пеликан сам не может ловить рыбу, и это для него делает баклан, подгоняя ему рыбу, иногда даже кладя ему ее в рот, засовывая ему при этом в пасть свою собствен-

ную голову. Чем вознаграждают их за эти услуги пеликаны - неизвестно! Кажется, ничем! Очень верное изображение человеческого общества. Пока я рассуждал так о бакланах, пароход встал, потому что дальше не мог идти - мелко! До Бирючьей Косы оставалось еще верст 15-ть. Пересели в катер. Я сделал гримасу, впрочем, ничего - катер был довольно большой, и гребли 14 человек севастопольских матросов-молодцов, и все с георгиевскими крестами; проехали еще 5 верст; зашли в деревню, расспросили, говорят, нельзя доехать и на катере, а надобно на маленьких лодочках. Можешь судить, как мне это было приятно, но делать нечего - сели. Гребли у нас два молоденькие калмычонка; между тем солнце садилось, волны становились шире и шире, течение быстрее и быстрее, ветер разыгрывался, продувая нас до костей. Наконец сделалось совершенно темно, я чувствовал только, что меня поднимало и опускало: валы, как какой зверь, поднимались, встряхивали, как гривой, белой пеною и обливали нас. И я... вот по пословице: "Нужда научит калачи есть"... я - ничего! Наконец приехали,

но чтоб вступить на берег, к нам вышли матросы и переносили нас на руках, проламывая лед и идя по колено в воде. На другой день предполагали возвратиться из Бирючьей Косы, но, проснувшись, - увы! - увидели весь фарватер в льду. Оставленной нами катер, говорят, кругом замерз и не может двинуться ни назад, ни вперед. Все приуныли: подобная история могла продолжиться около недели. Но нужной путь бог правит. Передневали, ветер подул с моря, катер подошел к Косе, и мы отправились, и тут оказалось, что доехать до парохода было нелегко: беспрестанно попадался в две - три версты лед, который мы прорубали, проламывали и могли только двигаться, раскачивая общими силами катер, и через пять часов были, однако, на пароходе. Можешь судить, как были все довольны, точно приехали в родной дом, к отцу-матери.

Вот тебе мое первое морское путешествие. На той неделе я, вероятно, поеду в море настоящее, в Баку. Во всяком случае ты не беспокойся: все это только беспокойно, но совершенно безопасно, потому что делается людьми опытными и моряками хорошими.

Детей целую и благословляю, Надежде Аполлоновне{575} и Маше поклонись. Обнимаю тебя.

Твой Писемский.

25 марта

Адрес мой: в Астрахань на мое имя.

Сбереги это мое письмо! Адресую по твоему письму в Галич.

А.Н.ОСТРОВСКОМУ

[15 февраля 1857 г., С.-Петербург].

Любезный друг,

Александр Николаевич!

Посылаю два экз. моей "Старой Барыни", из которых один тебе, а другой передай от меня Садовскому. Твои сценки в "Современнике" я прочитал{576} и прочитал с удовольствием, и когда я читал их другим, - все хохотали; но мнение большинства литературного таково, что в них ты повторяешься; хотя в то же время все очень хорошо убеждены, что виноват в этом случае не ты, а среда, и душевное желание всех людей, тебя любящих и понимающих, чтоб ты переходил в другие сферы: на одной среде ни один из больших европейских и русских писателей не останавли-

вался, потому что это сверх творческих средств. Если мы и не мастера первого разряда, то все-таки в нас есть настолько душевных сил, чтобы переходить из одной среды в другую. Если же ты этого не можешь сделать, то знакомься больше и больше с купеческим бытом более высшим; или, наконец, отчего ты не займешься мужиком, которого ты, я знаю, - знаешь? Говорят, твоя новая комедия{576} из чинов быта. Я радуюсь заранее. Знаю, что у тебя сюжет созрел, но выполнил ли ты, как большой маэстро по драматической части, со всей подробностью и объективностью характер? Читал ли ты критич. разбор Дружинина{576}, где он говорит, что ты, Толстой и я - представители направления, независимого от критик. В какой мере это справедливо, я не могу судить, но уже и то хорошо, что нас определили независимыми от критик. Григорович, приехавший в Петербург, первым долгом обнародовал везде, что А.А.Григорьев пропал без вести и что его ищут чрез полицию. Не зная этого, я встретился с Григоровичем в магазине Печаткина{576} и, по известной тебе моей к нему сим-

патии, обругал его за весь его литературный блуд, и он теперь скрылся у И.А.Гончарова и ругает меня как свинью, которая не умеет себя держать в обществе, а при встрече со мной - побаивается меня. Если ты можешь приехать в Петербург, приезжай; мы с тобой, может быть, что-нибудь и сделаем тут, тем более, что на плечах "Современник". Боткин здесь пакостит, насколько он может пакостить. Все это до такой степени возмутило меня - чего при нашем бесценном Иване Сергеевиче не бывало, - возмутило так, что я, кроме ругани, ничего этим господам не говорю.

.....

Затем прощай и не повторяйся так, как ты повторился в твоём последнем произведении.

Подписал Алексей Писемский.

Литературный секретарь И.Горбунов.

А.Н.ОСТРОВСКОМУ

[30 марта 1857 г., С.-Петербург].

Любезный друг,

Александр Николаевич!

.....

...Старший ребенок мой, Павел, болен: у него холодная опухоль локтя на правой руке,

болезнь, которая часто кончается отнятием руки. Бедная жена моя убита всем этим, но еще бодрится, тогда как я падаю духом окончательно! Обе комедии здесь твои пользуются полным успехом{577}. Личное мое мнение об них вот тебе самое откровенное: в "Сне в праздничный день" лицо Бальзамина не до танцовано в представлении автора. В первой сцене - прижиганье уха совершенно водевильный прием, а прочие лица все превосходны, особенно две девки; я так и чувствую от них здоровый женский запах. Во второй комедии самая картина исполнена и жизни, и бойких типов, и, наконец, нравственной глубины, но все это вставлено в рамку, т.е. в 1-е и 5-е действия, совершенно мозговую, сделанную, а не созданную, и потому именно, что в них играют роли пара Вишневских - оба эти лица по грамматичности их изложения совершенные гробы, но это бы еще ничего: не создашь всех лиц, другие можно и попридумать, - но дело в том, что они очень много говорят, их надобно сократить: пусть они только самой необходимой стороной касаются комедии. С концом пьесы я тоже не согласен:

Жданов не должен был бы выйти победителем, а должен был бы пасть. Смысл комедии был бы, по-моему, многозначительнее и глубже; я нарочно пишу тебе самые отрицательные стороны твоих пьес, чтобы ты принял это в расчет при вторичном их издании или при постановке на сцену: личных курителей и печатных ругателей найдется много у тебя и без меня. Денежная необходимость заставила меня вспомнить мой первый роман "Виновата ли она?" {577}. Я прочитал его совершенно, как чужое произведение, и он мне понравился: мне уж теперь с таким запалом не написать; много, конечно, в нем совершенно драгло мои уши, как, например, вся похабщина, которую я где совсем вырвал, где смягчил; не веря, впрочем, себе, стал читать редакторству и критикам - все хвалят и "Биб. для чтения", если только Фрейганг пропустит, дает мне за него 3000 руб. сереб. - сумма, которая меня обеспечит более чем на год и даст мне хоть некоторое время не думать о проклятых деньгах. Теперь о твоих делах. Уваров, говорят, назначил {578} 3000 руб. сереб. пожизненной пенсии тому, кто напишет лучшую комедию

или драму: пиши-ка, брат! А я, впрочем, распространяю мысль, что нельзя ли тебе отдать премии без писания, так как по этой части тобой много написано и без того, а то, чего доброго, нажарит Потехин драму или Сологуб комедию, да и возьмут. Прощай, поклонись всему, кому знаешь.

Твой Писемский.

1857 года. Марта 30-го

А.Н.ОСТРОВСКОМУ

[8 ноября 1857 г., С.-Петербург].

Любезный друг,

Александр Николаевич!

Во-первых, спасибо за радушный прием; теперь о пьесе твоей "Доходное место". По приезде моем в Петербург я узнал, что я тоже назначен членом Комитета{578}, и, разумеется, воспользовался сим. Поехал к председателю, который теперь Никитенко, и настоял на том, чтобы в следующую субботу открылось заседание, и пьеса твоя, как читанная всеми, сейчас же будет пропущена. Поклонись от меня всем, и всех от глубины души моей целую я заочно и благодарю за ласковой и радушной прием. Алмазову, вероятно, я сегодня же буду

писать. Прощай, Агафье Ивановне делаю ручкой.

Твой Писемский.

Пятница. 8 ноября.

П.А.ПЛЕТНЕВУ

[10 октября 1860 г., С.-Петербург].

Милостивый государь,

Петр Александрович!

Позвольте мне представить Вам экземплярчик моей драмы "Горькая судьбина" и еще раз поблагодарить Вас за ваше лестное для меня внимание к ней. Память об этом я сохраню навсегда, как о величайшей чести, которую когда-либо я надеялся заслужить моими слабыми трудами.

Вы были другом и советником Пушкина и Гоголя и поверьте, что ваше ободрение для нас (юнейших и далеко ниже стоящих перед этими великими маэстро) дороже самого громкого успеха в публике, часто создающей себе, бог знает за что и почему, кумирчики.

Засим, прося принять уверение в совершенном моем почтении, имею честь пребыть покорнейшим слугой.

А.Писемский.

10 октября 1860 г.

А.А.КРАЕВСКОМУ{579}

[Лето 1861 г.].

Милостивый государь,
Андрей Александрович!

Прошу Вас сообщить гг. Литераторам мое мнение касательно перемены цензуры: в настоящем своем виде она существовать не может, так как только понижает Литературу: все, что составляет серьезную мысль, она запрещает, все, что мелко, пошло, под ее благодетельным влиянием расцветает роскошными букетами; но, с другой стороны, и касательно цензуры карательной мы должны поступить осторожно и, как я полагаю, прежде чем изъявлять на нее свое желание, мы должны бы спросить о тех законах, по которым нас будут карать, и о составе того судилища, где нас будут судить, и во всяком случае мы в этом деле лица угнетенные и должны заявлять только свои права и желанья, не соображаясь с требованием правительства, которых мы не знаем и которые оно, вероятно, само не пропустит. Мы же, как мне кажется, должны просить: 1) права переводить все сочинения,

вышедшие на иностранных языках, так как они и без того не скрываются от русской публики, почти подряд знающей иностранные языки и преспокойно покупающей эти книги у книгопродавцев и при поездках за границу; но переведенные, они если и больше огласятся, то, вероятно, в критических статьях вызовут и реакцию против себя; 2) права рассуждать об всевозможных формах правительств, что почти и делается теперь, но только в недомолвках, которые только раздражают читателей, заставляя его предполагать бог знает какую премудрость между строками; 3) права излагать в совершенной полноте все философские системы, будь автор Деист, Идеалист, Материалист. В этом случае правительству опять следует поставить на вид то, что мысль может уничтожаться только мыслью, а не кварталными и цензорами; 4) допустить сатиру в самых широких размерах. Касательно ограничения пускай не допущено будет никакой нахальной личности ни в отношении правительственных лиц; ни в отношении частных. Из всего этого, разумеется, у нас половину отрежут, но все-таки мы ничего

иного желать не можем и не должны. Предположить соединение предостерегательной цензуры и карательной нелепо - это значит прямо идти на то, чтобы вас били с двух боков; пусть оно лучше остается, как теперь идет: цензора еще обмануть можно, а сам-то себя не обманешь! Но опять повторяю, что куда не будем знать положительно тех законов, по которым нас будут казнить, то мы и в пользу карательной цензуры не должны говорить ни слова, ни звука!

Чтобы оформить все это в официальном тоне, то я полагаю, что и записку к министру следует начать так: "Что, ваше высокопревосходительство, прежде всего мы желали бы знать: 1) Чего правительство требует от цензуры: того ли, чтоб она была ослаблена, или того ли, чтоб усилена? 2) Какие установлены будут законы цензурные, так как из ныне существующих ничего нельзя понять, и дозволено ли нам самим будет проектировать эти законы? 3) Какого рода судилище будет устроено над виновными, чему их именно будут подвергать и кого именно: авторов или издателей?" - А до тех пор, пока нам не будет этого

сказано, мы ничего сказать не можем.

Вот все, что я пока считал нужным сказать с своей стороны.

Жму вашу руку.

А.Писемский.

А.Л.ПОТАПОВУ

[Августа 1863 г., Москва].

Будучи твердо уверен в вашей высокой справедливости и просвещенном понимании того, что каждый из нас, русских писателей, пишет и с какою целью это пишет, я беру смелость обратиться к вашему превосходительству с моею просьбою по поводу пьесы моей "Горькая судьбина", с месяц тому назад пропущенной для представления на сцене цензурою 3 отделения. Пьеса эта 31 июля была сыграна любителями в благотворительном спектакле. Публикою она была принята с полнейшим успехом: я был вызван до 20 раз! Но через несколько дней стал ходить по городу слух, что московский генерал-губернатор хочет запретить представление моей пьесы на сцене на том основании, что она шокирует будто бы дворян, осмеивает чиновников, производит тяжелое впечатление и исполнена

грубых выражений... Никому ничего подобного из публики и в голову не приходило; тем не менее, так как г.генерал-губернатора самого и на представлении не было, я счел себя обязанным лично явиться к нему и объяснить во 1-х, что пьеса моя была разыграна вся дворянами, смотрели на нее по преимуществу дворяне и принимали пьесу с общим удовольствием. Кроме того, пьеса моя не новинка; она 4 года как издана, разошлась, может быть, в 8 тысячах экземплярах и раскуплена исключительно дворянами, значит, она никого не обидела! Во 2-х, пьеса моя не на тенденцию написанная; мне дана за нее Уваровская премия Академией, а по уставу этой премии прямо воспрещено назначать премии за пьесы с какой-нибудь задней мыслью. В 3-х, пьеса моя имеет почти уже исторический характер: злой фатум ее - крепостное право уничтожено правительством и отвергнуто самим обществом; выведены в пьесе недостатки камерного судопроизводства, но и те уничтожены, а говорить обществу об его болезнях, от которых оно уже излечилось, не значит его оскорблять, а напротив - радовать.

В 4-х, касательно тяжелого впечатления и грубых выражений, встречающихся в пьесе, то, по законам эстетики, она должна производить тяжелое впечатление, потому что трагедия, и если бы не производила этого впечатления, то в таком случае ее и на сцену не стоило бы ставить; грубых же выражений в языке я не мог избежать или смягчить их потому, что я тогда бы солгал на быт, а ложь и еще ложь со сцены есть безнравственная и возмутительная вещь! Все эти мысли я тем более считал себя вправе высказать, что они не мои, а ходячие в обществе, и насколько я ими убедил г.генерал-губернатора, не знаю; но он мне при этом сказал, что один из изветов на пьесу мою он получил от начальника здешних театров г.Львова. При этом я только руки распустил. Пьесы моей я не навязывал дирекции. Она сама через своих чиновников выпросила у меня согласие на постановку ее на сцене, сама представила ее в комитет, сама получила ее оттуда, и вдруг пьеса стала не годиться! Что-нибудь одно: или г.Львов не знает, что у него делается в управлении, или, наконец, сам даже не знает, что делает! На днях

г. Львов распустил еще новый слух, что пьеса моя окончательно запрещена для постановки на сцену. Полагая, что одно только 3-е отделение может разрешать и воспрещать постановку пьес на сцене, и в то же время зная очень хорошо ваше благородство, прямоту и твердость во всех ваших служебных действиях, я решаюсь просить ваше превосходительство защитить судьбу моих произведений от мнений г. Львова и каких-то других господ, сделавших на пьесу мою донос генерал-губернатору, и если возможно, то испросить высочайшего разрешения на постановку ее на сцену, как сделано это было в отношении "Ревизора" Гоголи: мне скрывать нечего ни перед царем моим, ни перед обществом - при всех недостатках моей пьесы она есть единственная, которая взяла крестьянский быт в главном его жизненном мотиве, и смею клятвенно заверить, что если постановка ее и будет, может быть, неприятна двум - трем господам, то запрещение ее произведет ропот во всем русском обществе, которое уже не ребенок и не желает, чтобы от него скрывали то, что оно само очень хорошо и давно знает! Изла-

гая все это вниманию вашего превосходительства, я снова повторяю мою просьбу защитить мое бедное произведение, которое не возмуцало общество, а, напротив, стоит за него; прошу принять уверение [и т.д.].

А.А.КРАЕВСКОМУ

Августа, 25, 1864 г. [Москва].

Почтеннейший

Андрей Александрович!

Вы, вероятно, уже слышали, что я с Катковым разошелся{583} по причинам, зависящим от его и от меня, а потому имею теперь довольно свободного времени; в продолжение осени и зимы я желал бы написать и напечатать несколько статей о Московском театре{583}. Возьмете ли вы их в ваш "Голос"? - Статьи, наперед говорю, будут резкие как в отношении театрального начальства, так и в отношении актеров; не стеснитесь ли вы их напечатать; отвечайте, пожалуйста, мне прямо: взгляд мой и понимание театра вы отчасти знаете.

Теперь второе: пишутся у меня очерки под названием "Русские лгуны", выведен будет целый ряд типов, вроде снобсов Теккеря. Те-

перь окончена мною первая серия - Невинные врали - т.е. которые лгали насчет охоты, силы, близости к царской фамилии, насчет чудес, испытываемых ими во время путешествий; далее будут: Сентименталы и сентименталки, порожденные Карамзиным и Жуковским. Далее - Марлинщина. Далее: Байронисты росейские. Далее: Тонкие эстетика. Далее Народолюбы. Далее Герценисты и в заключение: Катковисты. Посылаю вам на обороте копию с маленького предисловия к этому труду; она вам несколько объяснит значение его.

Теперь у меня написано листа на два печатных, а печатать я желал бы начать с января. Уведомьте, пригоден вам этот труд мой или нет, если не пригоден, не стесняйтесь и пишите прямо. Дружески жму вашу руку.

Преданный вам А.Писемский.

Адрес мой: на Сивцевом Вражке в Нащекинском переулке, в доме Яковлевой.

П.А.ВАЛУЕВУ

[8 мая 1867 г., Москва].

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь

Петр Александрович!

В прошлом месяце я представлял в главное управление цензуры историческую пьесу мою "Поручик Гладков" для одобрения ее к представлению на сцене. Главное управление, как ныне известился я, большинством голосов постановило запретить ее к постановке на театре, руководствуясь, вероятно, тем, что сюжет моей пьесы никогда еще не был выводим на сцену. Не находя с своей стороны в моей пьесе ничего могущего служить прямой причиной к оглашению ее со сцены, я беру смелость прибегнуть к Вашему высокопревосходительству и ходатайствовать {584} в силу дарованной Вам власти разрешить представление моей пьесы на театре. Вам лично известно мое литературное направление, и сколь мои труды, как писателя, ни малозначительны и ни слабы, но я всегда в них имел одну цель - говорить, по крайнему своему разумению, правду, точно так же, смею заверить, и пьеса моя "Гладков" ничего тенденционного, ничего символического и имеющего хоть малейшую возможность быть применимо к настоящему времени не представляет, а

имеет в себе одно только свойство: историческую достоверность и справедливость. Скрывать от народа его историю, я полагаю, более вредно, чем полезно; а между тем сцена есть единственной путь, через которой масса публики может познакомиться с светлыми и темными сторонами своей прошедшей жизни, заинтересуется ею и полюбит ее; никакой умный учебник, никакая строгая школа не в состоянии сделать этого для истории!

Повергая все сие милостивому вниманию Вашему, я разрешение пьесы моей к постановке на сцену приму новым проявлением вашей благосклонности ко мне, которая уже служила мне, а ныне еще раз послужит ободряющим средством к литературным трудам моим.

Прошу принять уверение в глубоком моем уважении, с коим имею честь пребыть
Вашего высокопревосходительства
покорнейшим слугою
Алексей Писемский.

1867 Мая 8 дня.

А.В.НИКИТЕНКО

[16 марта 1873 г., Москва].

Милостивый государь,
Александр Васильевич!

Комедия моя "Подкопы", в судьбе которой Вы столь обязательно для меня принимали такое живое участие, появилась, наконец, в печати и вместе с этим письмом отправлена мною в Петербург, в Академию наук, на имя Константина Степановича Веселовского; предоставляю ее на ваш милостивый и праведный суд! Цензурных изменений, хоть сколько-нибудь существенных, пьеса не потерпела нисколько; я всего только и сделал, что в перечне действующих лиц уничтожил титулы; в самом же тексте не произошло никаких перемен, за исключением тех немногих, которые я сам сделал чисто уже в видах художественного улучшения. В надежде на ваше доброе расположение ко мне я вместе с сим решаю повергнуть вашему вниманию еще другое обстоятельство, до меня касающееся: кроме "Подкопов", я написал еще новую пьесу, "Ваал". Из самого заглавия вы уже, конечно, усматриваете, что в пьесе этой затронут вряд ли не главнейший мотив в жизни современного общества: все ныне поклоняет-

ся Ваалу - этому богу денег и материальных преуспеваний и который, как некогда греческая Судьба, тяготеет над миром и все заранее предрекает!.. Под гнетом его люди совершают мерзости и великие дела, страдают и торжествуют. Пьеса эта будет напечатана в нынешнем году в "Русском Вестнике"; но могу ли я ее тоже представить в Академию на Уваровскую премию в нынешнем году вместе с "Подкопами" и может ли быть назначаема премия за две пьесы одного и того же автора в один год, этого я решительно не знаю и недоумеваю; а потому убедительнейше просил бы вас уведомить меня, как говорит об этом Устав об Уваровской премии, а также и о том, как Вы лично полагаете, что лучше для меня: в нынешнем ли году представить мне "Ваала" в Академию или отложить это до будущего года?

Вашим обязательным ответом Вы бесконечно одолжите меня и заставите навсегда быть благодарным Вам.

Искренно и глубоко
уважающий Вас
Писемский.
1873 года. Марта 16.

Адрес мой: в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в своем доме.

Я.П.ПОЛОНСКОМУ

[14 апреля 1873 г., Москва].

Любезнейший друг,

Яков Петрович!

Посылаю тебе экземплярчик моей новой пьесы "Ваал", на днях вышедшей в "Р.Вестнике". Очень желаю, чтобы она тебе понравилась. Что твои "Собаки"?{586} Кончил ли ты их, где и когда будешь печатать? "Гражданин", говорят, кончается? Какое неловкое положение при этом бедного Достоевского, хоть бы он приискал какого-нибудь другого издателя.

Поздравляю тебя и супругу твою с праздником и, душевно желая, чтобы всем домочадцам твоим было хорошо, остаюсь душевно преданный

Писемский.

IV 18--73. 14

С.В.МАКСИМОВУ

[27-28 января 1875 г., Москва].

Мой дорогой Сергей Васильевич!

В газетах я прочел{586}, что костромичи

литераторы и художники в память моего юбилея хотят в пользу бедных издать сборник. Если это действительно есть намерение, то ты, конечно, уж участвуешь в нем, а потому уведошь, бога ради, действительно ли есть такое намерение...

О таком дорогом венке я никогда, конечно, и не мечтал и надеюсь только, что вы позволите и мне участвовать в этом сборнике и чтобы моя в этом случае рука была не щербата. Остаюсь душевно любящий тебя Писемский.

P.S. Буду с нетерпением ждать ответа от тебя.

П.А.ПИСЕМСКОМУ

31 января 1875 [Москва].

Бесценный друг мой Поля!

Вчера сыграли в первый раз мою пьесу{586}. Сама пьеса принята публикой восторженно: со 2-го акта меня начали вызывать по несколько раз (чего никогда прежде не бывало); авторов обыкновенно вызывали по окончании пьес, а тут публика как будто бы не вытерпела и поспешила меня оприветствовать! Вот, мой друг, и мой юбилей, и нынешний

прием моей пьесы может быть наглядный для тебя пример, как колесо жизни поднимает иногда человека, а иногда и опускает. Ты сам был свидетелем, сколько я перенес литературных невзгод, обвинений, ругательств, оскорблений. Я сердился, конечно, огорчался, но никогда не падал настолько духом, чтобы бросить свое дело. Того же самого и тебе советую держаться в жизни и паче всего хлопотать о том, чтобы довершать свое ученое образование и в этом случае не смущаться никакими шипами, которые тебе будут попадаться на сем пути, тем более, что материальным образом ты человек совершенно обеспеченный. Обнимаю и благословляю тебя

Писемский.

А.А.ПОТЕХИНУ

24 марта 1875 г. [Москва].

Любезный друг

Алексей Антипович!

Я несколько позамедлил отвечать тебе, но причина тому та, что я болею и потому ничего не могу сказать определительного, так как ни сам не могу приехать, ни выслать чего-либо из написанного, потому что это написан-

ное требует больших поправок, каковых по состоянию головы моей в настоящее время решительно не в состоянии делать. Если только я поправлюсь, то немедленно же поеду за границу, буду в Петербурге, увижусь с тобой, переговорю еще об этом. Во всяком случае, для вас вернее будет на меня не рассчитывать. Дружески жму твою руку и остаюсь душевно преданный Писемский.

P.S. Поклонись от меня всем нашим общим знакомым.

И.С.ТУРГЕНЕВУ{587}

[19 августа 1875 г., Москва].

Поварская, Борисоглебский пер., свой дом.

IX

18--75.

19

Мой дорогой Иван Сергеевич! Вот уже полтора месяца почти, как я в Москве. В Берлине пробыл всего только две недели, и мы из оно-го вместе с П.В.Анненковым тронулись в Питер, из которого я через день отбыл в Москву. Павел Васильевич проезжал через Москву в деревню и вот уже более недели, как проехал обратно за границу. Все свое длинное путеше-

ствие он совершил вполне здоровым. Как-то ваше здоровье? Напишите об себе! Вместе с этим письмом посылаю Вам стихотворения Алмазова{588}, вам преподнесенные. Напишите мне, как они вам понравятся. Павел Васильевич от некоторых в восторге. Я, кажется, писал вам, что, по письму вашему, я был у Юльана Шмидта{588}, но по подлейшему моему неведению иностранных языков беседа наша не могла быть очень одушевлена и продолжительна. Он мне показался истым и немножко даже грубоватым немцем! Виделся также и с Кайслером, который мне между прочим сказал, что было переведено под именем "Das ausgewuhlte Meer" мое "Взбаламученное море" и напечатано года три тому назад в газете "Poste", но я этой газеты нигде уже в Берлине найти не мог. Сын мой остался в Берлине и несказанно меня утешает и своими частыми письмами и тем, что много занимается и работает над диссертацией.

Да хранит вас бог. Остаюсь, дружески пожимая вашу руку, душевно преданный вам Писемский.

П.А.ПИСЕМСКОМУ

15/27 октября 1875. [Москва].

Бесценный друг мой Поля!

Мать тебе уже писала об номере и числе пакета, в котором к тебе должны прийти деньги; на всякий случай повторяю его еще раз: No 1, 11 октября 1875 г. Получить эти деньги ты должен дней через 6-ть после отправки, т.е. числа 17-го по нашему стилю. В Москве теперь сильное волнение: лопнул Коммерческий ссудный банк{588}, в котором у меня, как и в прочих частных банках, нет ни гроша, но, тем не менее, я другой день в каком-то лихорадочном состоянии, прислушиваюсь к этому общенародному бедствию. Акции этого банка все почеркнуты и на бирже не имеют никакой цены, а сколько получают вкладчики по билетам и текущим счетам - еще неизвестно, но говорят, что дефицит огромный. Если есть в Берлине "Московские ведомости", то в 261 номере их, от 14 октября, ты можешь об этом прочесть очень обстоятельную статью. Правительство, кажется, серьезно озабочено, чтобы не было в Москве общего банкового кризиса, так как публика, под влиянием паники, пожалуй, сразу потянет из

всех банков свои вклады, и, как пишут в газетах, оно готово в этом случае идти на помощь к банкам. Председателем лопнувшего банка был молодой еще почти человек, некто Полянский, который, если ты помнишь, жил рядом с нами в Останкине. Теперь он уже арестован и вместе с ним еще один директор, фамилии которого я не знаю{589}. Прокурорский надзор начал уже следствие. В самом банке происходят раздирающие душу сцены: плачут, бранятся, падают в обморок - ужас, что такое!.. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец твой Писемский.

И.С.ТУРГЕНЕВУ

октября 29

1875-----Москва.

ноября 10

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Вот, наконец, сын ко мне возвратился из-за границы, что значительно меня успокоило, хотя физические недуги меня продолжают невыносимо мучить да более всего меланхолическое настроение и всевозможные страхи за близких мне людей. Над Москвою, как вы, вероятно, уже слышали и читали, разразился

страшный удар: лопнул и рухнул Коммерческий ссудный банк; открылось безобразнейшее мошенничество, акции все ничего не стоят, да и по вкладам вряд ли получить полную сумму. Я, разумеется, не пострадал по своему глубочайшему презрению ко всем нашим частным и так называемым общественным учреждениям. Куда я ни покажусь, меня все называют пророком, вспоминая 2-й акт моей пьесы "Просвещенное время". В ссудном банке проявилось то же самое... и мошенничество, как и в пьесе моей.

Рекомендованную мне вами девицу Блярамберг я мог рекомендовать Гатцуку (издателю маленькой газеты). Он задал ей перевод, а именно статьи Юльана Шмидта обо мне и об вас, которые она перевела, и перевела очень хорошо. Статейки эти уже пошли{589}.

Вот вам все наши новости. Да даст вам бог здоровья. Остаюсь, дружески пожимая вашу руку, преданный вам Писемский.

P.S. Где Анненков, и не можете ли вы сообщить мне его адрес?

И.С.ТУРГЕНЕВУ

[7 февраля 1876 г., Москва].

Мой дорогой Иван Сергеич!

Давным-давно я собираюсь Вам писать, но то недуги, то хлопоты препятствовали тому. Прежде всего скажу вам, что сын мой возвратился уже из-за границы и теперь доканчивает диссертацию об акционерных компаниях, которую, может быть, нынешней весной и защитит. Я сам, несмотря на различные хворости и страшнейшую ипохондрию, написал пьесу "Финансовый гений"{590}, которую и препровождаю к вам в двух экземплярах, из каковых один убедительнейше прошу переслать П.В.Анненкову, чего сам не делаю, потому что не знаю, где он пребывает, и напишите ему, пожалуйста, чтобы он хоть двумя строчками уведомил меня о своем местожительстве. Пьеса моя напечатана в маленькой газетке, потому что "Русский Вестник" не принял ее по негодности, и, таким образом, у меня прервалась связь и с последним толстым журналом, которой меня печатал, и я отныне остаюсь без приюта среди многолюдной площади, именуемой Русская литература.

Пьеса, между тем, была уже поставлена на сцене в Москве и имела и имеет большой

успех. Нелепости спиритизма, продажная и глупая печать, фальшивые телеграммы, безденежные векселя, видно, слишком уже намерзли в глазах публики, так что меня неоднократно и с громкими рукоплесканьями вызывают и затем словесно благодарят, что я всех сих гадин хоть на сцене, по крайней мере, казню, так как, к сожаленью, прокурорский надзор и суд не до многих еще из них находят юридическую возможность добратся. Да хранит вас бог. Напишите об себе хоть несколько слов. Дружески жму вашу руку Писемский.

Е.И.БЛАРАМБЕРГ

Останкино, дача Чубукова

[10-11 августа 1876 г.].

Любезнейшая Елена Ивановна!

Не замедляю отвечать на ваше письмо. Прежде всего радуюсь за ваш успех в редакции "Вестника Европы" и душевно желаю, чтобы роман ваш{590} был скорее окончен и напечатан. Что касается до нас, то мы живем в Останкине, на даче Чубукова; погода первоначально стояла очень жаркая, а теперь довольно холодная. Сын наш (это, кажется, уж

было без вас) защитил свою диссертацию, удостоен звания магистра прав и факультетом избран в доценты на кафедре гражданского процесса; дело теперь стало только за Советом, который окончательно утверждает доцентов и который, по случаю наступившего вакантного времени, не мог собраться.

Что касается до меня, то я по-прежнему ничего не делаю и не могу ничего делать, кроме маленьких хлопот и дрязг по дому. Ипохондрическое настроение владеет мною вполне: ко всякой умственной работе полнейшее отвращение, к письменному столу подойти нет сил.

Тургенев проезжал через Москву, был у нас на даче; совершенно здоров и, по-видимому, в очень хорошем настроении духа.

Письмо это я пишу рукой жены, потому что моих каракуль вы, вероятно, и не разберете. Все мы вам кланяемся и желаем вам одновременно и трудиться и веселиться. Дружески пожимая вашу руку, остаюсь преданный вам.

Писемский.

Н.В.САВИЦКОЙ-БАТЕЗАТУЛ

[16 октября 1876 г., Москва].

Посылаю вам, милейшая Надежда Владимировна, письмо к Майкову{591}, каковое вы можете прочесть и затем уже запечатать. Душевно желаю, чтобы он пособил исполниться вашему желанию. Сегодня, кажется, уехала из Москвы актриса Стрепетова играть в Художественном клубе, именно: Лизавету в "Горькой судьбине"; но вам вряд ли удастся ее видеть: она едет всего на один спектакль. Остаюсь, дружески пожимая вашу руку Писемский.

1876 г., октября 16.

М.О.МИКЕШИНУ

[23 февраля 1877 г., Москва].

Почтеннейший Михайло Осипыч! Как вам не грех думать{591}, что я вас не помню? Слава богу, вы напоминали о себе не одному мне, а всей России вашей художественной деятельностью. Что касается до романа и до бороды Бегушева{592}, то, пожалуй, придайте ему ее и в типе его, когда будете набрасывать карандашом, если можете, постарайтесь сохранить характер лиц Бестужева и Герцена. Касательно же цензурных и редакционных неряшеств{592} (последних, я полагаю, ужас-

но много), то я сам приеду в Петербург для переговоров о сем предмете, но дело только в том, что скоро ли приедет в Москву Прахов. Если скоро, то я его подожду и с ним приеду в Петербург, если же долее двух недель, то я приеду сам в Петербург. Уведомьте меня об этом немедленно, дабы я знал, как распорядиться.

Остаюсь, дружески пожимая вашу руку,
Писемский.

23 февраля 1877 года.

М.О.МИКЕШИНУ

[10 марта 1877 г., Москва].

Почтеннейший Михайло Осипыч!

Прежде всего, согласно вашему желанию, письменно сим удостоверяю, что я, Писемский, при точном исполнении принятых вами, Микешиным, платежных условий за роман мой "Мещане", то есть по двести рублей сер. за печатный лист "Пчелы", обязуюсь последующие части романа, если таковые будут мною написаны, печатать в "Пчеле" и отнюдь не передавать ни в какой другой журнал, и части эти должны быть принимаемы редакцией на тех же условиях, на каких принята и

1-я часть романа.

Сейчас я получил мастерской рисунок ваш: фигура Олуховой{592}, по-моему, совершенно хороша; но Бегушев должен быть и толще и старше, ему уже 50 лет, и у него немного седых волос. И вообще при очень хорошем думчивом выражении лица Бегушева в фигуре его как-то мало импозантности, мало барина, то есть того, на что есть прекрасный намек в "Короле Лире". Когда этого несчастного короля в пустыне в рубище встречает одно из действующих лиц трагедии, то восклицает: "Король!" - "Почему ты знаешь, что я король?" - спрашивает его Лир. - "В тебе есть нечто такое, что говорит, что ты король!" - отвечает ему это лицо. Что барство Бегушева необходимо выразить, это вытекает из внутреннего смысла романа: на Бегушеве-барине пробуются, как на оселке, окружающие его мещане; не будь его, - они не были бы так ярки; он фон, на котором они рисуются. Затем перехожу к более частным подробностям: волосы у него пусть будут львиная грива и курчавые, но зачесаны назад и не падать на лоб; бороду ему, по вашему желанию,

я приделал в романе, но бакены, полагаю, не нужны.

Вот, почтеннейший Михайло Осипыч, мое совершенно откровенное мнение. Воспользуйтесь им, насколько оно, разумеется, будет вам пригодно.

Желая вам полнейшего успеха в вашей иллюстрировке романа и посылая при сем обратно ваш рисунок, остаюсь душевно преданный вам Писемский.

10 18---77 III

И.С.ТУРГЕНЕВУ

19 апреля 1877 г., [Москва].

Мой дорогой Иван Сергеич!

Письмо мое, может быть, и не застанет Вас в Париже, так как есть слухи, что вы думаете приехать в Россию, но все-таки пишу вам и хочу поблагодарить вас, что вы познакомили меня с m-г Дюран: вы решительно радатель в Европе нашей бедной и загнанной беллетристической литературы. Дюран мне между прочим сказал, что вы думаете, что роман ваш "Новь" не имеет в России успеха. Не верьте: вас ввели в заблуждение статейки разных газет; в серьезной части публики он имеет

успех и уж, конечно, со временем получит и историческое значение. Правда, что на вас сердятся и консерваторы, за то, что вы мало побранили грядущих в народ юношей, и радикалы, недовольные тем, что вы мало похвалили сих юношей, забывая одно, что художник прежде всего должен быть объективен и беспристрастен и вовсе не обязан писать для услады каких-либо партий. Что касается до меня, то я хоть и сильно прихварываю, но работаю и оканчиваю свой роман "Мещане". Что творится в политике, - вы сами это лучше нас знаете, но вот вам вопрос: московскую публику приводит теперь в восторг итальянский актер Росси{593}, играющий здесь с своей труппой и растолковывающий нам, дикарям, Шекспира. По недугам моим я не ездил его смотреть, но, наконец, собрался и вчера видел его в "Короле Лире". Признаюсь, впечатление мое далеко было не в пользу сего артиста: он мне показался актером неумным, без всякого внутреннего огня, но с большим стремлением к аффектации, доходящей иногда до балетных приемов. Сын мой Павел, впрочем, говорит, что это последнее свойство

вовсе не Росси и что итальянцы вообще очень сильно жестикулируют. Росси, вероятно, был уже в Париже; напишите, пожалуйста, мне: имел ли он там серьезный успех. Да хранит вас бог. Мои вам кланяются. Ваш Писемский.

Э.ДЮРАНУ

14

1877--[Москва].

VI

Любезнейший М-г Дюран!

Премного благодарен вам за высылку мне портрета Бальзака, который у меня красуется уже на стенке. Я несколько позамедлил поблагодарить вас за присылку портрета, потому что все это время был занят окончанием и печатанием моего нового романа, помещенным мною в русской иллюстрации "Пчела". Ждем в Москву Тургенева, который давно уже обещается приехать.

Жена моя, в свою очередь, тоже очень благодарит вашу супругу за намерение прислать ей свой роман, и сверх того вы крайне бы обязали, если бы прислали мне те статьи о русской литературе, которые вы предполагаете

печатать.

Остаюсь с моим уважением Писемский.

Ф.И.БУСЛАЕВУ

[4 ноября 1877 г., Москва].

Почтеннейший Федор Иванович!

Я до сих пор не успел написать Вам более подробное письмо в ответ на Вашу присланную мне брошюрку. Причина тому то, что я оканчивал мой роман "Мещане", а еще более того, что я болею. Брошюрку Вашу, как только что получил, я прочел немедленно{594}, и из нее вижу, что Вы от романа, совершенно справедливо считаемого Вами за самого распространенного и прочного представителя современной художественной литературы, требуете дидактики, поучения, так как он может популяризировать всю необъятную массу сведений и многовековых опытов. Действительно, не связанный ни трудною формою чисто лирических произведений, ни строгою верностью событиям исторических повествований, ни тесными рамками драмы, роман свободней на ходу своем и может многое захватить и многое раскрыть.

Не достигает ли он этого на практике, как

только автор задал себе подобную задачу? Почти безошибочно можно отвечать, что нет! Некоторые романисты нашего века, французские, немецкие и английские, пытались явно поучать публику. В романе у Евгения Сю ("Семь смертных грехов") показано, как наказываются на земле смертные грехи; у немцев есть, что какой-нибудь юный лавочник высказывает столько возвышенных мыслей и благородных чувствований, что читатель хочет не хочет, а должен, по-видимому, слушаться сего юноши; у нас Чернышевский в романе своем "Что делать?" назначил современному человечеству даже, какие иметь квартиры и как они должны быть разделены. Но - увы! - это глупое человечество не утрашилось нисколько картинами, представленными Евгением Сю, и продолжает по-прежнему творить смертные грехи; лавочнику никто не верит в искренность его слов, и он все-таки остается лавочником; квартир своих пока никто не делает и не устраивает по плану автора "Что делать?", и всем сим поучительным произведениям, полагаю, угрожает скорое и вечное забвение.

Но не такова судьба больших старых романистов. Беру их на выдержку. Сервантес, вряд ли думавший кого-либо поучать своим "Дон-Кихотом", явил только картину замирающего рыцарства, и она помнится всем читающим миром. Смолет, описавший морские нравы, дал нам такие из меди литые фигуры, по которым хорошо поймет каждый, какого закала английская раса; Вальтер Скотт запечатлел на веки-веченские в умах человечества старую поэтическую Шотландию; даже Жорж Занд, по-видимому, самая тенденциозная писательница во времена моей и Вашей молодости, Вы, конечно, это помните, она считалась у нас в России растолковательницей и чуть ли даже не поправительницей евангелия, но в этом случае, мне кажется, на нее совершенно клеветали, Жорж Занд была не проповедница, а страстная поэтическая натура, она описывала только те среды, которые ее женское сердце или заедали, или вдохновляли. У нас ни Пушкин, создавший нам "Евгения Онегина" и "Капитанскую дочку", ни Лермонтов, нарисовавший "Героя нашего времени" неотразимо крупными чертами, нисколько, ка-

жется, не помышляли о поучении и касатель-
но читателя держали себя так: "На, мол, кла-
ди в мешок, а дома разберешь, что тебе при-
годно и что нет!"

В Гоголе, при всей высоте его комического полета, к сожалению, в конце его деятельности мы видели совершенно противоположное явление. Сбитый с толку разными своими советчиками, лишенными эстетического разума и решительно не понимающими ни характера, ни пределов дарования великого писателя, он еще в "Мертвых душах" пытался поучать русских людей посредством лирических отступлений и возгласов: "Ах, тройка, птица-тройка!.." - и потом в своем поползновении явить образец женщины в особе бессмысленной Улиньки, после пушкинской Татьяны, и в конце концов в "Переписке с друзьями" дошел до чертиков. Признаюсь, писем с подобными претензиями и в то же время фразистых и пошлых я не читывал ни у одного самого глупого и бездарного писателя.

Но перехожу опять к роману, в отношении которого мое такое убеждение, что он, как всякое художественное произведение, дол-

жен быть рожден, а не придуман; что, бывши плодом материального и духовного организма автора, в то же время он должен представлять концентрированную действительность: будь то внешняя, открытая действительность, или потаенная, психическая.

Лично меня все считают реалистом-писателем, и я именно таков, хотя в то же время с самых ранних лет искренно и глубоко сочувствовал писателям и другого пошиба, только желал бы одного, чтобы это дело было в умелых руках. Подкреплю это примером. В конце тридцатых годов сильно гремел Кукольник своими патриотическими драмами{596} и повестями из жизни художников с бесконечными толками об искусстве. И все это мне было противно читать; я инстинктивно чувствовал, что тут нет ни патриотизма, ни драматизма, ни художества, ни художников, а есть только риторические крики! Затем, когда я уже сделался студентом и прочел "Вильгельма Мейстера", не могу описать Вам того благоговейного восторга, который овладел мною! Из бесед и разговоров действующих лиц я познакомился с целой теорией драматического

и сценического искусства. "Гете, - воскликнул я, - точно выворачивает все мое нутро!.." Он осветил как бы искрой электрической все, что копошилось и в моих скудных помыслах о драматическом искусстве. Потом другой пример. В половине сороковых годов стали появляться писатели, стремящиеся описывать тонкие ощущения и возвышенные чувствования выводимых ими лиц. Бедняжки; они при этом становились на цыпочки, вытягивали, сколько могли, свои мозговые руки, чтобы дотянуться до своих не очень высоких героев, и вдруг, как бы ради уничтожения этого направления, был переведен на русский язык (в "Современнике", кажется) роман Гете "Предрасполагающее сродство" (Wahlverwandschaften), где могучий поэт, видимо, без всякого труда и сверху переставил, как шашки, несколько лиц, исполненных тончайших ощущений и самого возвышенного образа мыслей. Ни дать ни взять, как вол обо... муравьев...

Чувствую, почтеннейший Федор Иванович, что я написал Вам не столько рассуждений и возражений, сколько исповедь своих

мыслей и эстетических воззрений. Но что же делать? Так написано, и в заключение скажу еще два, три слова. Вы мне как-то говорили: "Вы, романисты, должны нас учить, как жить: ни религия, ни философия, ни наука вообще для этого не годятся". А мы, романисты, с своей стороны, можем сказать: "А вы, господа критики и историки литературы, должны нас учить, как писать!" В сущности, ни то, ни другое не нужно, а желательно, чтобы это шло рука об руку, как это и было при Белинском и продолжалось некоторое время после него. Белинский в этом случае был замечательное явление: он не столько любил свои писания, сколько то, о чем он писал, и как сам, говорят, выражался про себя, что он "недоносок-художник..." (он, как известно, написал драму {597} и, по слухам, неудавшуюся), и потому так высоко ценил доносков-художников.

Дружески пожимая Вашу руку, остаюсь с пожеланием всего хорошего, а паче всего здоровья

А.Писемский.

1877 г. Ноября 4.

С.А.УСОВУ

[3-5 декабря 1877 г., Москва].

Любезный друг

Сергей Алексеевич!

Мне нужна для эпиграфа приблизительно такая фраза из Гамлета: "Злодейство встанет на беду себе, хотя засыпь его землею*". Но так как на точность моей памяти я не могу совершенно надеяться, Шекспира у меня нет, то и прибегаю к твоей помощи. Уведомь меня, нет ли в Гамлете такого изречения и как его говорят, чем крайне меня обяжешь. Писемский.

P.S. Фразу эту я запомнил по переводу Полевого, кроме которого я других переводов и не читал.

В.А.КУЛИКОВОЙ

[25 апреля 1878 г., Москва].

Почтеннейшая Варвара Александровна!

Пишу к вам мое благодарственное письмо рукой жены, потому что сам лежу в постели. Спасибо вам великое! Вчера был у меня Вольф; он, кажется, очень бы не прочь купить мои сочинения, хоть и имеет очень много других предприятий. Он [...] приехал в Москву повидаться со мной. Но, во всяком случае, я

очень бы желал видетъся с Кирпичниковым, и вы убедительно попросите его заехать ко мне: кроме дела, мне и лично с ним познакомиться весьма желательно.

Даже диктовать дальше нет более сил. Поклонитесь всем вашим, искренно вас уважающий Я.

P.S. Актерам же петербургским скажите, что я в пьесах моих ничего переделывать не стану.

25 апреля 1878.

М.О.МИКЕШИНУ

[Май 1878 г., Москва].

Почтеннейший Михайло Осипыч!

В одном из ваших писем вы говорили, что не имею ли я чего прислать Вам; я вам написал, что ничего не имею, но потом вспомнил, что у меня есть две пьесы, не бывшие в печати{598}; участь которых была такова: я написал их еще лет 14 тому назад и предполагал напечатать в Петербурге, но когда в сей град приехал и прочел некоторым из приятелей, те в один голос сказали, что это вещи очень сильные, но печатать их невозможно: в первой из них у отца связь с незамужней доче-

рю, а во второй выведены семейные распри, убийства и самоубийства. Покойный Федор Иванович Тютчев, у которого я между прочим читал, воскликнул, прослушав пьесы: у вас выведены какие-то кретины самоубийств, этого никогда в жизни не бывало и быть не может! Но, - увы! на поверку оказалось, что друзья мои ошибались, и я был пророком того, что уже носилось в воздухе, я первый почувствовал и написал, и то, что написал, стало потом повторяться сильно, каждодчасно и почти каждосекундно.

В.ДЕРЕЛИ

[Москва] Поварская, Борисоглебский пер.,
собственный дом.

XI

18--1878

1

Почтеннейший г.Дерели!

Несмотря на физические одолевающие меня недуги, я не замедляю ответить Вам на ваше любезное письмо и прежде всего спешу Вам высказать мое почти удивление тому, что до какой степени вы уже хорошо владеете русским языком: пища в первый раз по-рус-

ски, гораздо лучше излагаете наших газетных фельетонистов и репортеров. Великая честь вашим лингвистическим способностям и вашему, что еще важнее, столь высоко поставленному эстетическому образованию и вкусу. Для нас, русских писателей, это тем более поразительно, что в нашей критике, почти исключительно захваченной за последние пятнадцать лет газетами, царит хаос или, точнее сказать, безобразия, так что даже масса публики, далеко не разборчивая, не читает критических статей и не верит им, потому что все мнения их авторов или пошлы, либо тенденциозны, или невежественны, в некоторых случаях, пожалуй, и продажны! Вместе с этим письмом я посылаю вам тот том моих сочинений{599}, где помещен роман "Тысяча душ". Том этот я, наконец, успел добыть из Петербурга, и в нем, может быть, вы найдете повторения некоторых статей, которые уже отправлены мною Вам, но это не беда, по пословице: "Лучше переделать, чем недоделать!" Я несказанно обрадован вашим известием, что вы предполагаете перевести мой роман "В водвороте", и когда он будет издан Вами, то весь-

ма бы обязали меня, если бы выслали мне экземплярчик вашего перевода.

Затем, прося принять уверение в совершенном моем уважении, имею честь пребыть вашим покорным слугою

Писемский.

P.S. Письмо это я осилил написать своей рукой.

М.М.КОВАЛЕВСКОМУ

[10 мая 1880 г., Москва].

Почтеннейший

Максим Максимыч!

Сейчас я получил от г-жи Хвоцинской (псевдоним ее В.Крестовский) письмо, которым она просит меня доставить ей билет на имеющееся последовать заседание Общества любителей русской словесности, что я, конечно, и исполню, но независимо от того, я полагал бы, что комитету следует ей тоже послать от себя один билет из числа, которое назначено для писателей, ибо г-жа Хвоцинская есть одна из крупнейших женщин-писательниц{600}. Адрес ее таковой: в Рязань, д.Хвоцинской, Надежде Дмитриевне Заиончковской. Сыну моему потрудитесь передать, как

вы намерены распорядиться.

Преданный вам

Писемский.

1880 10 мая.

Е.И.БЛАРАМБЕРГ

1880 года, мая 30 [Москва].

Милейшая Елена Ивановна!

Спасибо Вам за весточку, которую Вы дали об себе. Что касается до нас, то все мы живы и здоровы, и, собственно, я лично весь поглощен предстоящим празднованием открытия памятника Пушкина. Это, положа руку на сердце, могу я сказать, мой праздник, и тако-го уж для меня больше в жизни не повторит-ся. Обо всех приготавливаемых торжествах Вы, вероятно, читаете в газетах, и желательно од-но, чтобы они прошли не с обычною русскою бестолковостью. В Москву съехалось очень много моих приятелей и знакомых, и меня почти каждый день кто-нибудь из них посе-щает на даче, где я теперь живу: а именно в Петровском парке, на Башиловке, на даче ак-тера Садовского. Иван Сергеевич Тургенев то-же здесь, но болен, и я опасюсь, что не хуже ли, чем обыкновенно, он болеет, потому что у

него, говорят, не подагра теперь, а ревматизм в спине. Еду нарочно в город сегодня, чтобы повидать его. Душевно радуюсь, что мои "Масоны" нравятся в Ваших местах. Я почти дописал этот роман до конца, но печататься он, вероятно, будет еще долго. "В водовороте" напечатано в Париже в "Телеграфе", две уже части, и осталась только последняя часть. Сверх того Дерели теперь переводит моих "Мещан", которые тоже будут помещены им в "Телеграфе". Вот Вам все мои новости, более коих я, сидя в моей уединенной дачке, ничего не ведаю, и, затем дружески пожимая вашу руку, остаюсь

искренно преданный Вам
Писемский.

P.S. Жена и сын Вам кланяются.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Эпистолярное наследие А.Ф.Писемского представляет собою ценнейший материал для изучения жизни, творчества и мировоззрения писателя. Понимание некоторых произведений писателя едва ли возможно без изучения его писем, которые содержат мате-

риал по творческой и цензурной истории ряда важнейших его произведений. Переписка с актерами, исполнявшими главные роли в пьесах Писемского, является также важным источником для воссоздания их сценической истории.

В 1936 году вышло академическое издание писем А.Ф.Писемского, в которое вошло свыше тысячи писем, написанных автором за сорок лет (1840-1880). Это издание в 1957 году было пополнено новой публикацией небольшого количества писем писателя*. Ожидается публикация неизданных писем Писемского к И.С.Тургеневу, сохранившихся в парижском архиве последнего. Но эти материалы охватывают часть переписки писателя, более или менее полно сохранившейся лишь за период 1875-1880 годов. Не дошли до нас письма к сыну Николаю (1873-1874), редакционная переписка с журналами "Библиотека для чтения" (1860-1863) и "Искусство" (1860), за небольшими исключениями, письма к М.А.Хану, В.В.Каширеву и ряду других лиц.

* Ученые записки Азербайджанского госу-

дарственного педагогического института русского языка и литературы имени Мирза Фатали Ахундова, вып. 2. Баку. 1957, стр. 79-92.

Настоящим изданием даются избранные письма, имеющие непосредственное отношение к творчеству Писемского. Текст писем печатается по изданию 1936 года с проверкой по сохранившимся автографам.

Стр. 566. "Банкрут" - раннее заглавие комедии А.Н.Островского "Свои люди сочтемся", впервые опубликованной в "Москвитянине" (1850, № 6).

Стр. 568. Герою дается место чиновника. - Именно этот вариант, за цензурную участь которого опасался Писемский, появился в журнальном тексте рассказа "Фанфарон" в августовской книжке "Современника" 1854 года.

Стр. 569. Статья Анненкова. - Имеется в виду статья "По поводу романов и рассказов из простонародного быта" ("Современник", 1854 г., кн. 2; кн. 3, отд. III).

Стр. 570. "Драматический очерк" - пьеса "Ветеран и новобранец", являющаяся откликом на восточную войну 1854-1855 годов ("Отечественные записки", 1854 г., № 9).

Островский за пятиактную комедию получил... - Имеется в виду комедия Островского "Бедная невеста" (1852 г.).

Стр. 571. Оду твою я получил. - Имеется в виду стихотворение Майкова "Памяти Державина", которое до своего опубликования в сборнике А.Н.Майкова "1854 год" ходило по рукам в многочисленных списках.

Как бы ни кричали рецензенты в пользу Фета и Тютчева. - Имеется в виду статья И.С.Тургенева, подписанная инициалами И.Т. и напечатанная в апрельской книжке "Современника" 1854 года.

Красоту-красоту - пародийная цитата из стихотворения Н.Ф.Щербины "Письмо".

Стр. 572. Сестра Маша - сестра Е.П.Писемской, Мария Павловна Свинына.

"Весенний бред" - стихотворение А.Н.Майкова, впервые напечатанное в апрельской книжке "Современника" 1854 года.

Стр. 573. Об Островском стали говорить... - Первая постановка комедии "Не в свои сани не садись", определившая популярность Островского, состоялась в Москве на сцене Малого театра 14 января 1853 года.

Потехинские романы. - Имеется в виду роман-трилогия А.А.Потехина "Крестьянка", печатавшийся в "Москвитянине" 1853 года и вышедший в следующем году отдельным изданием.

"Барышне" - стихотворение А.Н.Майкова, опубликованное впервые в № 4 "Современника" 1847 года.

Стр. 574. Вчерашнего дня... - Письмо является первоначальным наброском очерка "Бирючья коса".

Ездил я с адмиралом - с астраханским губернатором, контр-адмиралом Н.А.Васильевым.

Стр. 575. Надежде Аполлоновне - Свиной, матери Е.П.Писемской.

Стр. 576. Твои сценки в "Современнике" я прочитал. - Речь идет о "Праздничном сне до обеда", напечатанном в февральской книжке журнала (1857).

Твоя новая комедия - комедия "Доходное место", опубликованная в кн. 1 "Русской беседы" 1857 года.

...Критич. разборы Дружинина - рецензия А.В.Дружинина на "Очерки из крестьянского

быта" Писемского ("Библиотека для чтения", 1857, No 1).

Я встретился с Григоровичем в магазине Печаткина. - П.В.Анненков писал 28 февраля 1857 года И.С.Тургеневу: "В пьяном виде, все более и более возвращающемся к нему, Писемский делается ненавистником Григоровича. На днях поймал его в книжной лавке, прижал его в угол и публично стал говорить: "Зачем вы не пишете по-французски своих проstonародных романов, пишите по-французски - больше успеха будет". Тот ежился и искал спасения в отчаянной лести, но не умиловил его" ("Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина", вып. III, М., 1934, стр. 67).

Стр. 577. Обе комедии здесь твои пользуются успехом - комедии Островского "Праздничный сон до обеда" и "Доходное место".

...Вспомнить мой первый роман "Виновата ли она?" - Роман напечатан под заглавием "Боярщина" в "Библиотеке для чтения" 1858 года.

Стр. 578. Уваров, говорят, назначил... - Ежегодные уваровские премии за лучшие исторические труды и драматические произведе-

ния были учреждены А.С.Уваровым в память его отца С.С.Уварова.

Я тоже назначен членом Комитета. - Членом театрально-литературного комитета Писемский состоял с ноября 1857 по ноябрь 1858 года.

Стр. 579. Письмо к А.А.Краевскому связано с запиской петербургских и московских литераторов, поданной в конце 1861 года в междуведомственный комитет, разрабатывавший вопрос о передаче цензуры из министерства народного просвещения в ведомство министерства внутренних дел.

Стр. 583. Я с Катковым разошелся. - Писемский до этого заведовал литературным отделом "Русского вестника".

...желал бы написать и напечатать несколько статей о Московском театре. - Статьи Писемского до сих пор не обнаружены.

Стр. 584. Ходатайство А.Ф.Писемского, обращенное при посредстве П.А.Вяземского к министру внутренних дел П.А.Валуеву, не привело к желанным результатам: трагедия "Поручик Гладков" осталась под цензурным запретом и к постановке на сцену допущена не

была.

Стр. 586. Что твои "Собаки"? - Разумеется поэма Я.П.Полонского "Собаки", впервые опубликованная в журнале "Пчела" (№№ 2, 3 и 6).

В газетах я прочел... - в "Русском мире" была напечатана следующая заметка: "Мы слышали, что 25-летний юбилей литературной деятельности А.Ф.Писемского, праздновавшийся на днях в Москве, вызвал в среде литераторов-костромичей желание увековечить это событие изданием литературного сборника. Мысль эта встретила живое сочувствие в среде земляков Писемского, и в сборнике примут участие литераторы, художники и ученые, уроженцы Костромской губернии. Сборник выйдет в нынешнем году и вырученные деньги будут употреблены на какое-нибудь доброе и полезное дело" (1875, № 21). Замысел костромичей осуществлен не был.

Вчера сыграли в первый раз мою пьесу. - Имеется в виду драма "Просвещенное время".

Стр. 587. В датировке письма к Тургеневу у Писемского ошибка: вместо "19 сентября" следует "19 августа". Ошибочность проставлен-

ной Писемским даты устанавливается сопоставлением с ответным письмом Тургенева, датированным 14(2) сентября 1875 года.

Стр. 588. Посылаю Вам стихотворения Алмазова... - Имеется в виду книга: Б.Алмазов, Стихотворения, Москва, 1874.

...по письму вашему, я был у Юльана Шмидта... - 9 июля нового стиля 1875 года Тургенев писал Писемскому: "...высылаю вам... письмецо к Юлиану Шмидту, который написал такую хорошую статью о "Тысяче душ" и к которому вы ходите вместе с вашим сыном. Не сомневаюсь в том, что он будет очень рад вас увидеть и познакомиться с вами" ("Новь", 1886, No 23).

...лопнул... банк. - Правление Московского коммерческого ссудного банка объявило о прекращении платежей по всем видам обязательств 13 сентября 1875 года.

Стр. 589. ...директор, фамилии которого я не знаю. - Речь идет о Густаве Ландау.

Статьйки эти уже пошли. - Статья Ю.Шмидта "Тургенев и Писемский" в переводе Е.Б. (Елены Бларамберг) помещена в NoNo 43-44 "Газеты Гатцука" за 1875 год.

Стр. 590. Комедия Писемского "Финансовый гений" была напечатана в NoNo 3 и 4 "Газеты Гатцука" 1876 года. 18 января Писемский читал ее в публичном собрании Общества любителей российской словесности (см. "Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете". М., 1911, стр. 221).

Письмо к Благрамберг датируется по данным о похолодании в Москве.

Роман ваш. - Речь идет о первом романе Е.И.Благрамберг "Без вины виноватые", начатом летом 1875 года, незадолго до знакомства с Писемским, оконченном в феврале 1877 года и напечатанном под ее псевдонимом Ардов в "Вестнике Европы" за тот же год (кн. 7-8).

Стр. 591. Посылаю... письмо к Майкову. - 16 октября 1876 года Писемский писал Майкову о Н.В.Савицкой: "Она замечательная актриса и теперь, перебравшись в Петербург, желала бы возобновить свою сценическую деятельность, но в Петербурге, как в лесу, она никого не знает. Не имеешь ли ты знакомых в вашем клубе художников, чтобы провести ее хоть в сей мирок и дать ей возможность сыграть..."

(А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 336).

Как вам не грех думать... - 22 февраля 1877 года М.О.Микешин писал Писемскому: "...Может Вы меня и не помните, хотя я не раз брал слово со своего старого московского приятеля, А.Н.Островского, напоминать Вам о моем существовании" (А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 748).

Стр. 592. Что касается... до бороды Бегушева... - М.О.Микешин писал: "Я бы со своей чисто художнической стороны заметил, что в высшей степени симпатичном типе Бегушева не хватает густой, коротко подстриженной бороды..."; Бегушев - главный герой романа "Мещане".

Касательно же цензурных и редакционных неряшеств... - М.О.Микешин в том же письме писал: "Встретив в рукописи некоторые щекотливые на цензорское ухо места, мы, с другом и товарищем моим Ад.Вик.Праховым, порешили предварительно прочесть ее в среде своих сотрудников..."

Олухова - главная героиня романа "Мещане".

Стр. 593. Московскую публику приводит те-

перь в восторг... Росси. И.С.Тургенев в ответном письме от 5(17) мая 1877 года выразил согласие с оценкой дарования Росси: "За одного непозволительное уродование Шекспировского текста его бы следовало осыпать градом гнилых яблок!" ("Новь", 1886, No 23, стр. 194).

Стр. 594. Брошюрку вашу... я прочел немедленно. - Подразумевается работа Ф.И.Буслаева "О значении современного романа и его задачах", М., 1877.

Стр. 596. Гремел Кукольник своими патристическими драмами... Подразумеваются драмы Н.В.Кукольника "Рука всевышнего отечество спасла" (1834) и "Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский" (1835). Обе драмы помещены в первом томе "Сочинений Нестора Кукольника" (СПб, 1851).

Стр. 597. Он, как известно, написал драму. - В.Г.Белинский написал две пьесы: "Дмитрий Калинин" и "Пятидесятилетний дядюшка или странная болезнь".

Стр. 598. У меня есть две пьесы, не бывшие в печати. - Писемский имеет в виду две связанные между собой пьесы: "Бывые соколы" и

"Птенцы последнего слета".

Стр. 599. Посылаю вам том моих сочинений. - Том третий "Сочинений А.Ф.Писемского", СПб, 1861.

Стр. 600. Г-жа Хвоцинская есть одна из крупнейших женщин-писательниц... - О высоком мнении Писемского о творчестве Н.Д.Хвоцинской-Заиончковской пишет в своих воспоминаниях Е.И.Бларамберг (см. А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 800).

А.А.Рошаль